

Архив русской мысли

DOI 10.25991/VRHGA.2023.3.3.049

УДК 1(091)

*А. А. Ермичев**

ОКОЛО ПРОФЕССОРА Е. А. БОБРОВА

Ermichev A. A.
NEAR PROFESSOR E. A. BOBROV

В очередном выпуске этого раздела редакция предлагает статью Евгения Александровича Боброва «Тип шестидесятника».

Е. А. Бобров [24.1(5.2) 1862–12.3. 1933 Ростов-на-Дону] — это наш философ-персоналист, историк русской философии и литературы, автор воспоминаний о Н. Я. Гроте, А. А. Козлове, А. А. Блоке и др. О Боброве-философе речь пойдет ниже, а о нем, как об историке русской литературы написано в биографическом словаре «Русские писатели (1800–1967)»: «В историко-литературных работах особое значение он придавал факту, введению в научный оборот новых материалов»; например о Е. А. Баратынском, Д. В. Вeneвитинове, В. С. Печерине, А. И. Полежаеве, о литературно-философских кружках и студенческих корпорациях в Казани. Не подлежит сомнению, что историко-литературные занятия Боброва дали ему основные материалы для социально-психологического анализа типа шестидесятника в публикуемой здесь статье.

Что касается философов, то они тоже замечают фигуру Е. А. Боброва — хотя так же сдержанно, как и историки русской литературы, без пиетета. Автор первого полного исследования истории русской философии (1938 г.) Б. В. Яковенко, написал о Боброве, что он известен «прежде всего, собранием материалов к истории философии в России». Помимо того, Бобров «написал

* Ермичев Александр Александрович, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; 7723516@gmail.com

также несколько интересных работ теоретического характера, где прослеживает родство своих взглядов со взглядами лейбницианцев Г. Тейхмюллера и А. Козлова. В русле этого направления он очень остро и гибко сформулировал задачу философии следующим образом: чтобы нечто признать сущим, необходимо ясно осознать, что под этим сущим понимать, что представляет собой бытие, какое это понятие, каковы его признаки и содержание и как оно возникает. Вопрос о бытии является ключевым вопросом всякой метафизики, а вопрос о понятии бытия является проблемой всей критической гносеологии».

Б. В. Яковенко, будучи выдающимся историком русской философии, не забыл о шести томах бобровского собрания «Философия в России. Материалы, исследования и заметки» (1899–1903). Далее он упоминает «несколько интересных работ теоретического характера», в которых Б. В. Яковенко усмотрел преобладание логико-гносеологического интереса, каковой и делает философию философией.

Другой выдающийся историк русской философии, В. В. Зеньковский сказал о Боброве одним предложением. «Прямое влияние Тейхмюллера испытали два его ученика — С. А. Бобров) так напечатано — С.А.! Авт.) и И. Ф. Озе, не написавшие, впрочем, ничего значительного».

Н. О. Лосский тоже индифферентен к Боброву: «П. Астафьев и Е. А. Бобров были сторонниками учения о бытии как монаде, т. е. духовной субстанции».

Советские историки русской философии фигурой Е. А. Боброва пренебрегали. Во всяком случае, в многотомной «Истории философии в СССР» (руководитель авторского коллектива В. Е. Евграфов) этого имени нет. Впрочем, о нем дана справка в «Философской энциклопедии (1960–1970). Справка заняла 13 с половиной строчек. Из них 6 заняты библиографией, а прочие биографией. Бобров квалифицируется «учеником и последователем Тейхмюллера, сторонником теории «панпсихизма» Козлова. Написано, что работы его носят «в основном, компилятивный характер». Отмечено, что как историк философии он «стремился свести историю русской философии к истории идеализма».

В постсоветской России дело стало исправляться. В 1995 году все с радостью встретили появление двух словарей «Русская философия» — алешинский (отв. редактор А. И. Алешин) и маслинский (отв. редактор М. А. Маслин). Здесь В. Курабцев и Л. В. Фирсова предложили спокойные, доброжелательные справки о Е. А. Боброве. В 2003 году появился добротный справочник-исследование замечательного ученого Б. Ф. Пустарнакова — «Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры». Соглашаясь с Б. В. Яковенко, что вопрос о бытии является основной проблемой критической гносеологии, Б. Ф. Пустарнаков обратил внимание на иной момент в рассуждениях Боброва: бытие есть центральный вопрос всей метафизики. «В этом смысле Бобров считал философию наукой наук, познанием познания, наукой мышления по преимуществу». Б. Ф. Пустарнаков подчеркивает общественное, культурное значение философии Боброва. Она есть «философия критического индивидуализма, которая дает обоснование христианскому мировоззрению и примиряет механическое объяснение мира с теологией».

Оценка Б. Ф. Пустарнакова была поддержана А. И. Абрамовым, предложившим справку о Е. А. Боброве в «Новой философской энциклопедии»

(2010). Полное изложение философии Е. А. Боброва (хотя и данное в краткой форме) мы находим у С. М. Половинкина в его большом посмертном труде «Русский персонализм» (М. 2020)

Казалось бы, современность приняла Е. А. Боброва как полноценного участника философского процесса в России. Однако то удивительно, что имя Е. А. Боброва ни полсловом не упомянуто в книге Н. П. Ильина «Трагедия русской философии» (М. 2008) В этой замечательной книге утверждалось, что подлинной философией у русских является персоналистическая рационалистическая философия, а не ее, прославленная всеми вероисповедническая философия Соловьева и так называемого «русского ренессанса». Следуя такой логике, Н. П. Ильин мог бы сделать Е. А. Боброва одним из персонажей своего повествования, но этого не произошло. Имя Боброва должно было стать заметным в другой книге о русском персонализме, которую написал воронежский исследователь М. А. Прасолов — «Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме» (2007 г.) В книге таким оно не стало, что удивительно, Казалось бы, при нашей бедности на профессиональных философов, каждый из них должен быть исследователем хорошо изложен и даже обласкан.

Однако, возвратимся к статье о «Типе шестидесятника». На начало первой мировой войны Е. А. Бобров был профессором Варшавского университета. С наступлением германских войск университет был эвакуирован в Ростов и работал здесь именно как Варшавский университет до мая 1917 года. Решением Временного правительства он был ликвидирован. На его базе был создан Ростовский (Донской) университет, с 1925 года ставший Северо-Кавказским. Здесь и продолжил работу Е. А. Бобров, ставший профессором педагогического факультета.

Скорее всего, с окончанием гражданской войны для философа Е. А. Боброва настали тяжелые времена. Единственно правильная научная марксистско-ленинская философия наступала по всем фронтам. Теперь уже гремела полемика между материалистами-механистами и материалистами-диалектиками и она завершилась, казалось бы, победой последних. Но вот подросшее поколение советских философов, которое стояло за «большевизацию философской теоретической работы», накинuloсь на абстрактных диалектиков и победило. В СССР началась тотальная политизация философской работы на всех ее участках, секторах и направлениях, во всех ее институтах и кафедрах. В мае 1930 года краевая (Северного Кавказа) газета «Молот» написала заявление группы научных работников педагогического факультета Северо-Кавказского Государственного университета. В нем научные работники заявили о своей ясной позиции — быть вместе с пролетариатом и тогда же указывали на отдельные случаи аполитичности в среде научных работников и даже о религиозно-мистических настроениях, овладевших умами некоторых коллег.

Тем удивительнее было листать третью (шестнадцатую) книгу «Известий Северо-Кавказского Государственного университета» за 1928 год, которая большую часть своих страниц предоставила материалам о Е. А. Боброве. На титульном листе так и значилось: «Посвящаем профессору Северо-Кавказского Государственного университета Евгению Александровичу Боброву по поводу сорокалетия его научной и общественно-педагогической деятельности». В журнале

был дан портрет юбиляра с факсимиле его подписи и помещенной под портретом подписью на языке древних греков: «Одинокая старость — худшая из всех бед». Такими словами из «Эдипа в Колоне» Бобров комментирует свой юбилей.

Номер открывался статьей ученика Е. А. Боброва по Казанскому университету, а теперь знатока и переводчика античной философии А. О. Маковельского «Работы профессора Е. А. Боброва по философии». (Заметим, в скобках: мы-то знаем, какая у него была философия!) Другая статья, написанная М. Беляевым, рассказывала о Боброве — историке литературы. Помимо того к юбилейной части журнала принадлежат материалы «Семинара повышенного (научно-исследовательского) типа по истории литературы», которым руководил Бобров, а, кроме того, переводы некоторых работ Лейбница, сделанных учеником Е. А. Боброва И. И. Ягодинским.

Исследователь творчества Боброва, да и просто любознательный читатель, разумеется, ознакомится со всеми материалами. Но нельзя не обратить внимание на приметы времени, оставленные на страницах университетского издания. Например, А. О. Маковельский, рассказывая о Г. Тейхмюллере замечает, что «ни одно из господствующих течений его не удовлетворяло — ни идеализм, ни механистический материализм». И добавляет «диалектического материализма он не знал». Принадлежит ли добавка Маковельскому или ее внесла «редакция «Известий», — сказать трудно

М. Беляев свои рассуждения о Е. А. Боброве заключает таким выводом: «... философские работы Евгения Александровича являются показательным примером того, как своими путями русская философская мысль от иных исходных точек шла к тому, что теперь утверждается в философии диалектического материализма». Ниже можно прочесть, что «Бобров всегда хотел сокрушить владычество идеализма» и, к тому же, М. Беляев особенно подчеркнул, что своим единомышленником Евгений Александрович называл профессора Киевского университета А. А. Козлова, революционера-каракозовца, члена Ишутинского кружка, дальнего родственника поэта А. С. Пушкина...»

Приметой времени можно считать отсутствие в журнале собственно философских выступлений Е. А. Боброва. Прочих, нефилософских было шесть. Одна — о «соединенных славянах», другая и третья — о Н. Помяловском и типе шестидесятника, оставшиеся две — о частных эпизодах проникновения марксистских идей в Россию.

Републикуемая статья «Тип шестидесятника» была напечатана в 1(14) книге «Известий Северо-Кавказского Государственного университета» за 1930 год. Главное этой статьи заключено в ее последнем предложении: «По классовому отношению шестидесятник есть, конечно, буржуа, но буржуа — честный, трудовой, основательный надежный». «Да не может быть!» — восклицаем мы, — а Чернышевский? Добролюбов? Рахметов?»

Возможно, читатель обратил внимание на редакционную врезку в текст статьи Боброва. Редакция поправляет автора: автор ошибается, — он не учитывает среди шестидесятников группу радикальной передовой русской интеллигенции, которая шла за Н. Г. Чернышевским и его друзьями.

Действительно, еще с советских времен мы знаем, что «... в течение многих лет Чернышевский возглавлял партию революционных мыслителей и вел борьбу

против помещичье-либерального строя», а в «годы революционной ситуации группой Чернышевского разрабатывался план вооруженного восстания». Такое мы читали на странице 129 и 137 в сборнике «Русская прогрессивная философская мысль XIX века (30–60-е годы)» изданном в Москве.

Однако, все течет, все меняется. Редакция «Известий Северо-Кавказского Государственного университета», исправлявшая ошибки Боброва не знала, конечно, что в 2016 году появится книга В. К. Кантора «Срубленное дерево жизни. Судьба Николая Чернышевского». Автор доказывал, что революционность порядочного человека, (Чернышевского) честного, трудового, основательного, надежного, руководимого идеалами христианского гуманизма — это миф, фантом. Нелепое самодержавно-бюрократическое правительство, не умея оценить порядочных людей и инкорпорировать их в государственную деятельность, наградило их судьбой революционера. Навязанная самодержавием революционность Чернышевского оказалась выгодна Ленину и большевикам — подлинным революционерам и тогда же — врагам добра. Так и сложился образ Чернышевского у российской свободолюбивой интеллигенции.

В медленно идущем пересмотре истории освободительного движения в России соображения Е. А. Боброва о типе шестидесятника имеют какое-то значение.

Остается добавить, что ни в одной из книг об истории Ростовского университета Вы не найдете имени Е. А. Боброва.